

Юстин Философ и проблема исторического в человеке

Гусева А.А., Институт философии РАН
uhlein@rambler.ru

Аннотация: По словам Юстина, философа, жившего на границе двух миров, эллинского и раннехристианского, «всякий человек должен философствовать», и эта необходимость обусловлена сращением слова и мысли в человеке, которое образует факт (исторический, философский, грамматический) – то, о чем можно и должно свидетельствовать. Последовательность фактов выстраивается в философию как историю человека, состоящую из «априористических перфектов», переведенных в аорист. История, восходящая к единому истоку-Логосу, как и философия, разворачивается в человеке и складывается вокруг него. Жизнь и речь философа взаимосвязаны. В текстах Юстина прообразы Ветхого Завета (медный змий Моисея) уподоблены «философским символам» (творение Мировой Души в «Тимее» трактуется как прообраз Креста). Юстин приводит прообразы как философские доказательства, что можно описать как неграмматический перфект, то есть такое прошлое, которое определяет будущее как совершённое. Эта нелинейность рождается из взаимодействия двух начал (эллинского и христианского) и предполагает перекодирование внутренней формы языка, слова, метафор. Юстин интерпретировал концепцию засевающего Логоса особым образом – как причину познания, которая обязывает каждого человека, носящего в себе семена, искать истину и свидетельствовать о ней.

Ключевые слова: Юстин Философ, логосная концепция, философская апология, диалог-протрептик, философский факт, перфект, прообразы Ветхого Завета, смена языка, перекодирование внутренней формы, философия как история

Философия, грамматика, история?

Что такое история – это факты, сложенные во времени или, наоборот, то, что появляется там, где времени нет, в некоем внутреннем пространстве? И где рождается факт – каким образом нечто, событие, реакция на сгущенный комок причин становится фактом (историческим, грамматическим, философским)? Какова роль человека и его сознания в той сложной грамматике мира, которая заставляет погружаться в пространство – возможно, вневременное – осмысления и формировать там факт, чтобы вытащить его как совершенное и засвидетельствованное, тесно связав с собой, своей культурой, системой миропонимания? И как определить «теперь», ту метку, которая становится бездной, где совершается ежечасное переосмысление себя и истории как моей истории, истории «лично» меня? История, которую мы привыкли читать как фабулу, сюжет, последовательную цепь причинно-следственных событий – на деле состоит из таких точек-бездн, в которых сцеплены единичный человек, его язык

(понятийный и «грамматический»), его время. История - живая перфектность человека, написанная сухим и бесстрастным аористом¹.

Но - кто и когда пишет историю? И кто и когда ее правит (во всех смыслах), подвергая сомнению сложившуюся, казалось бы, аористность истории? Философия, как и история, совершается в человеке. В человеке и начинается разворачивание того внутреннего мира, который становится внешним и, как кокон, обволакивает событиями, которые теперь рассматриваются как факт. События становятся философией.

Само имя Юстина - Философ и Мученик - сразу очерчивает некий круг жизни: искал истину, нашел в Боге и принял мученическую кончину. Юстин был первым, кто заявил о христианской философии как об истинной, единственно ведущей к Богу, - и это он считал целью всей философии, философии вообще.

Система его рассуждений призвана ответить на важнейший вопрос: что такое философия – вопрос, актуальный во все времена, по тому, как на него отвечали, прослеживается внутренняя история мысли, т. е. история самого человека в его отношении к миру, истине, слову, Богу.

Первые века христианской эпохи интересны тем, что тогда напрочь отсутствовало свойственное нашему времени безразличие к мысли – дыхание античной философии ощущалось в мощной традиции платонизма, течения пифагорейства, эпикурейства, иудаизма наполняли ментальное пространство Римской империи времени правления Антонинов. Этот пестрый ковёр учений не заслонял, однако же, того, что составляло суть Рима – общественного религиозного культа, до определенного времени цементирувавшего территорию государства, позволяя каждому находиться в поисках своего, если только это «свое» способно вписываться в общественную религию.

Юстин первым ищет способы написания христианской философии как истории человека. Философия и история невероятно сближаются, перетекая одна в другую и показывая всю сложность того, что позднее будет называться историей философии (возможно, лишь одну грань, один этап, хотя и немаловажный). И эта история/философия нефабульна, нелинейна. Ее, как пишет Э. Жильсон, «можно рассматривать как историю, которая развивается, начиная с некой неподвижной точки, расположенной вне времени, поэтому внеисторической. Эта философия есть развертывание прогресса, имеющего в своей основе неподверженную никакому прогрессу истину»², и определяющее здесь – движение, центром которого является истина.

Концепция Юстина – логосная. В его системе логос и логосность выступает как объясняющая метафора, но, в отличие от ранних систем, например у Филона Александрийского, в данном случае метафору можно интерпретировать не «как будто», и даже не «как если бы», а «если – то». Засаевающий (посеянный) Логос предполагает

---

¹ У В.В. Библихина есть термин «априористический перфект», в котором «первое касание мира – наши мысль и слово», и эта «ранняя мысль и тихое слово», то, от чего нельзя отказаться ни при каких обстоятельствах - первое слово в основании истории (*Библихин В.В. Понимание божественного слова // Библихин В.В. Слово и событие. Писатель и литература. М., 2010. С. 36.*)

² Жильсон Э. Философ и теология. М.: Гнозис, 1995. С. 186.

действующую причину всего и следствия-мостики, возводящие к этой причине: всякий из «стоиков, поэтов, историков» «говорил прекрасно потому именно, что познавал сродное с посеянным Словом Божиим»³.

Логос – Сын Божий⁴, и «Бог своим Логосом помыслил и сотворил мир»⁵. Познание сотворенного мира возможно благодаря Логосу (Слову-Христу), который «находится во всем» (ему «причастен весь род человеческий»⁶), являясь, таким образом, причиной возможности и необходимости познания. Но Логос, в отличие от других логосных систем, – Христос, который «сделался человеком... и родился по воле Бога и Отца ради верующих в Него людей и для сокрушения демонов»⁷, а христиане – «причина сохранения мира»⁸. Именно поэтому человек не может не ответить на призыв.

Система Юстина складывается в единый пазл, засевающий Логос предполагает и даже императивно выстраивает диалогичность (напряжение-речь между поиском и истиной), что видно в репликах, дошедших до нас: из мученических актов – диалог с префектом Рима Квинтом Юнием Рустиком (он был философ-стоик и учитель Марка Аврелия), диалог предполагают и апологии, поскольку у них есть адресат, от которого (которых) ожидается ответ – император Тит Элий Адриан Антонин и римский сенат, прямой диалог ведется с Трифоном Иудеем. Юстин, рассуждая о логосах, всеянных в человеческий род, как бы разворачивает эту точку-перфект, дав нам возможность заглянуть вглубь. Любой из его текстов – это «разговор на равных»: «вы называетесь благочестивыми философами, и слывете везде любителями наук: теперь окажется, таковы ли вы на самом деле»⁹.

Диалог как жанр лучше всего передает натянутое плотное философское поле, и это философское поле – место, где в каждой точке речи требуется подтверждение себя. В диалоге – когда еще только определяется, что станет фактом (философским/историческим/грамматическим) и событие с обеих сторон отстаивается как данность – исчезает время. Остается пространство диалога, где собрано всё, где пробиваются неведомые источники, не имеющие своих тысячелетий: кем был таинственный собеседник, указавший ищущему Юстину его путь? Так как же пишется история – или как пишется философия, если учитывать, что для Юстина это нечто одно, нечто написанное («письмо в сердцах наших», 2 Кор. 3: 3), сходящееся в человеке? Такое схождение-проявление можно представить себе через принцип

³Юстин. Апология 2 (апологии указываются цифрами. Далее – Апол.1 или 2), 13. (Цитаты из Юстина даются по изданию: *Преображенный П., прот.* Памятники древней христианской письменности в русском переводе. Т. 3. Сочинения древних христианских апологетов. М., 1862. В некоторых случаях приводится перевод архиеп. Иринея (Клементьевского) Засаевающий Логос Юстина ассоциируется с евангельской притчей о сеятеле (Мф. 13: 3-23; Мк, 4: 3-20; Лк. 8: 5-15). Однако сам Юстин, в «Диалоге с Трифоном» ссылаясь на «Воспоминания апостолов», не упоминает о ней.

⁴ «Логос один только собственно называется Сыном» (Апол. 2, 6).

⁵Юстин. Апол. 1, 64.

⁶Там же, 46. «Слово оказалось способным захватить потому, что изначально в тебе, и это обеспечивает захват словом, с одной стороны, и непосредственное созерцание истины, с другой. Это и можно определить как философию свидетельствований и свидетелей» (*Неретина С.С. Огурцов А.П.* Реабилитация вещи. СПб., 2010. С. 103.)

⁷Юстин. Апол. 2, 6.

⁸ Там же.

⁹ Апол. 1, 2.

communication idiomatum, человек как «письмо Христово, написанное... не на скрижалях каменных, но на плотяных скрижалях сердца» несет в себе со-действие, как «пароль» и «отзыв» (хотя мы слышим в себе только «отзыв» и не различаем «пароль»). Сходным образом Рикёр разбирает, как происходит cogito, которое и мысль, и история человека («Я сам как другой»).

Диалог вели и с самим Юстином – так, о нем пишет Татиан (Против греков, *Contra Graecos*, 19), Иероним Стридонский упоминает его (О знаменитых мужах, *Deviris illustribus*), 23), Тертуллиан называет его «философ и мученик» (Против валентиниан, *Adversus valentinianos*, 5). Всё это – свидетельства о субъекте. Без субъекта не станет факта. Субъект должен быть в событии здесь, сейчас, тогда это факт, а иначе никто не заметит, пройдут мимо. И время здесь – особая категория: все богатыри жили при Владимире Красном Солнышке, и Василий Великий вполне мог быть современником митрополита Илариона (хотя в таких случаях время одновременно и снимается, и акцентируется – работает «аргумент от давности» как показательство истинности). В агиографии есть обобщенная «эпоха Нерона», «эпоха Диоклетиана», которые «населяются» святыми, жившими в другое время.

Все эти закономерности работают и для Юстина – он строит новую, нелинейную историю как историю философии, с ветхозаветными (типoi, отпечатки), символикой¹⁰, рисуя историю мысли как нефабульную историю восхождения человека к истине, и в этом его дерзость, новизна и поступок как философа.

Прообразования выражают духовные события через конкретные ситуации. Это своего рода «рассказ вещами» о метафизическом, в отличие от пророчеств, которые представляют собой «рассказ словами». Ветхозаветные прообразования показывают то, что только еще свершится (рождение Спасителя от Девы Марии, Его крестное страдание, Евхаристию), но что в то же время уже свершилось – до творения мира. Юстин использует образ медного змия, поставленного Моисеем среди лагеря по велению Божию, когда на избранный народ напало множество ядовитых смертельно жалящих змей¹¹. Медный змий на древке считается прообразованием того, как Господь вознесся на Крест, и как с верою обращающие взгляд на этот образ исцелялись, так и верующие во Христа будут исцелены от греха к жизни вечной.

В текстах Юстин приводит прообразования как доказательства, а поскольку христианство – философия (хотя он и делает в Первой апологии противопоставление: философия – варварство), то прообразования становятся философскими доказательствами. Это можно описать как некий неграмматический перфект, т. е. такое прошлое, которое определяет будущее как совершённое: ср. «когда пророчесственный Дух о будущем говорит, как о бывшем уже...». (С Юстина, как считают, начался интерес к системному изучению ветхозаветных прообразований.)

¹⁰ Так, он переосмысливает платоновский отрывок о творении Мировой Души из «Тимея», видя в нем прообразование креста и вычерчивая аналогию с медным крестом Моисея: «происходит... перестраивание истории, в результате которой древние философы оказываются наследниками теологических представлений» (об этом см.: *Неретина С.С. Огурицов А.П. Реабилитация вещи.* СПб., 2010. С. 112-114).

¹¹ Чис. 21: 4-9. Ср.: Ин. 3: 14, 15. Юстин говорит об этом в: Апол 1, 60. Весь перечень: Апол. 1, 31-60.

Эта явная нелинейность рождается из взаимодействия двух начал, эллинского (античного) и ветхозаветного. «Переживание мира как потока истории органично укоренено в библейском мироощущении», по словам С.С. Аверинцева, «если мир греческой философии и греческой поэзии – это “космос”, т. е. законосообразная и симметричная структура, то мир Библии — это “олам”, то есть поток временного свершения, несущий в себе все вещи, или мир как история. <...> Греческий “космос” покоится в пространстве, обнаруживая присущую ему меру; библейский “олам” движется во времени, устремляясь к переходящему его пределы смыслу. Отсюда – эсхатологические настроения, пронизывающие иудаизм и, в особенности, христианство, ибо Воплощение Сына Божьего стало поворотным моментом истории – и не случайно мы отсчитываем время нашей эры от Рождества Христова»¹². История Юстина, написанная как философия человека и человечества, - отсюда. Так философия становится личным делом христианина, и одновременно целью, о которой надо свидетельствовать¹³.

Как уже говорилось, наследие Юстина дошло до нас как раз в тех жанрах, которые предполагают необходимость речи, цель которой – защита мировоззрения. Апологии Юстина надо рассматривать не как собственно апологии, а как апологии философские (хотя именно философского, в привычном нам смысле, в них, на первый взгляд, мало – но Юстин включает христианство в философское поле), наравне с Апологией Сократа, это речь обращенная, речь как часть диалога. Ибо речь, прежде всего, - об истине.

Философские стены эллинского мира состояли из элементов, букв, процарапанных на скрижалях греческой философии. «И Сивилла, и Истасп говорили, что тленные вещи будут истреблены огнем. Итак, если мы утверждаем согласно с уважаемыми у вас поэтами и философами, то почему так несправедливо ненавидят нас более всех?» «Когда говорим, что все устроено и сотворено Богом, то окажется, что мы высказываем учение Платоново»; «когда утверждаем, что мир сгорит, то говорим согласно с мнением стоиков»; «и когда учим, что души злодеев, и по смерти имея чувствование, будут наказаны, а души добрых людей будут жить во блаженстве, то мы говорим то же, что и философы». «Утверждая, что не должно поклоняться делу рук человеческих, мы говорим то же, что говорил Менандр». «И если мы говорим, что Иисус Христос, Учитель наш, родился, то мы не вводим ничего отличного от того, что вы говорите о так называемых у вас сыновьях Зевса»¹⁴. Итак, перед нами алфавит философии, начала, из которых можно строить. Но после перестроения/перекодирования алфавита философии оказывается, что изменился и язык, сам ставший свидетельством¹⁵.

¹² Копейкин К., *прот.* Христианство в «конце истории» // <http://www.bogoslov.ru/text/1243176.html> (последнее обращение 19.06.2017). (История Юстина – синтез, в то время как Тертуллиан, напротив, разрывает историю - «Афины и Иерусалим»).

¹³ Но (Без другого лица свидетельствование невозможно, следовательно, возникает проблема истории как общения ср. заголовок книги митр. Иоанна Пергамского (Зизиулеса) «Бытие как общение» и ключевая фраза оттуда – «Истинное бытие без общения невозможно»).

¹⁴ Апол. 1, 20-21.

¹⁵ Григорий Богослов возражал против указа Юлиана о запрете христианам учиться в греческих школах, так как для них «эллинская премудрость принадлежит язычеству, а не языку». Слово 4. Первое обличительное слово на царя Юлиана // *Григорий Богослов Назианзин, свт.* Творения: В 2 т. СПб., 1912.

Концепция Юстина нанизывается на Логос – логосность вообще предполагает особенный интерес к проблемам языка, даже если нет прямого анализа языкового материала. Так же, как человек связан с Логосом, он связан и с тем языком, который окружает его, и дан ему как способ бытия в мире. Жизнь философа связана с речью. Чем, как не речью, можно свидетельствовать о знании, говорить и защищать истину. Поэтому вполне естественно, хотя этого прямо это не сказано у Юстина, собирание, перекодирование, выстраивание грамматики языка. И как неожиданно становятся контрастными синонимами *logoi* и *typoi* – важнейшая ступень становления христианской мысли.

Для многих ищущих истину христианство было одной из философий: при соблюдении «стандартной» формы (опять же, своего рода алфавит, универсальные элементы: поиск счастья, проблема нахождения истины, учитель, возвещающий истину), общей для различных наполнявших мир позднего эллинизма учений, оно, казалось, было неотличимо от них и должно было выглядеть одним из них.

Однако Юстин, человек в плаще, перевернул диалектику и космологию античных учений с тем, чтобы, протасив через этику и связав ее с онтологией, дать христианству как новой философии язык, которым можно было бы говорить о Христе – Логосе, истине, благе - и метод, как путь в истории, по которому идет мысль о Боге («жизнь, путь и истина» как «тело, Слово и душа»). Другого языка и метода не было. Новая задача – философская речь как личная история – встала перед каждым: «всякий человек должен философствовать и почитать это дело важнейшим и превосходнейшим, а все прочее ставить на втором и третьем местах»¹⁶. В текстах Юстина выговаривается, рождается первая христианская философия, выросшая из античных протрептиков (жанра, предполагающего приглашение к изучению какой-либо теории).

В «Диалоге с Трифоном» называются «главные причины, по которым язычник, обладающий греческой культурой, мог обратиться в христианство ок. 130 г.»¹⁷. Этим язычником выступает эллинизированный иудей Трифон, с которым во время беседы происходят некоторые перемены: вначале скептически настроенный, он постепенно начинает интересоваться христианской философией и если и не убеждается в парвоте оппонента, то, по крайней мере, слушает с всё более нарастающим вниманием и, когда Юстин наконец отплывает, расстаются они уже как друзья.

И это тоже настоящая история - история как рассказ философа о себе самом, выбравшего свою жизнь как христианскую, жизнь в Боге, ибо «не всегда ли философы говорят о Боге?» и «исследовать о Боге» не «есть ли дело философии?»¹⁸

Юстин происходил «из Флавии Неаполя, города Сирии Палестинской»¹⁹. В восточном городе, с «обстановкой совершенно иной, чем обстановка Афин, Коринфа

Т. 1. С. 66 (о проблеме греческого христианского и до христианского языка с. 108 и далее. О перекодировании славянского языкового субстрата см.: *Чернышева М.И.* Уходящие слова, ускользающие смыслы. М., 2009. 196 с.

¹⁶ Диал., 3.

¹⁷ *Жильсон Э.* Философия в средние века. С. 14.

¹⁸ *Иустин Философ.* Разговор с Трифоном Иудеянином о истине Христианского закона, писанный к М. Помпею. (Преложен с еллиногреческаго на российский язык Иринеем, архиеп. Тверским и Кашинским. СПб., 1797.) Репр. изд. Б.м., 1995. С. 6.

¹⁹ *Сагарда Н.И.* Указ. соч. С. 185 (Первая апология).

или Рима»²⁰, смешиваясь, текли две традиции, иудейская и эллинская, и возможно, это сочетание и породило стремление к поискам Бога, следуя которому Юстин прошел обучение у стоиков, побывал в школе перипатетиков и др. Юстин «у представителей различных философских школ напрасно искал знания о Боге, которое приводило бы к счастью»²¹ (для греческой философии концепт счастья было важен и сопоставим с критерием истины), и лишь учение Платона «воскрылило мысль» обещанием созерцать Бога²².

В этом состоянии, как пишет Юстин в «Разговоре с Трифоном», он встретил на берегу благолепного старца – и не смог ответить ни на один его вопрос. Пораженный, он слушает его слова о Боге как причине жизни, о ветхозаветных пророках, через которых Он говорил, и о том, что быть «достоверным свидетелем истины» важнее, чем быть «в рассуждении начал»²³. И не случайно имя Юстина – Философ и Мученик (а это значит – свидетель, *martyros* - и «свидетель», и «мученик»).

Как пишет выдающийся русский патролог Н.И. Сагарда, «обращение Юстина в христианство произошло, вероятно, незадолго до Иудейской войны 132 - 135 гг. (ок. 130 г.), так как “Разговор с Трифоном” Юстин относит ко времени этой войны и, можно думать, в Эфесе. Таким образом, в том же месте, где Юстин изучал древнего эфесского философа Гераклита, Сократа, Платона и этику стоиков и искал объяснения истории мира в распространенном тогда гераклито-платоновско-стоическом учении о Божественном Логосе, он погрузился в изучение Ветхого Завета (в греческом переводе) и христианского учения и христианской письменности»²⁴. Была еще одна причина – Юстин видел, как идут на смерть христиане. Во второй апологии он рассказывает, почему принял христианство, так: «Наше учение возвышеннее всякого учения, потому что явившийся ради нас Христос есть Слово...»; «даже лучшему языческому учителю, Сократу, никто не поверил так, чтобы умереть за его учение, напротив, Христу поверили не только философы и ученые, но и ремесленники и вовсе необразованные, презирая и славу, и страх, и смерть»²⁵. Он стал христианским философом, и уже не отступал от этого, проявив себя как свидетеля истины, говорящего о Слове, Боге-Логосе, который стал человеком ради людей.

Так, Юстин шел по пути призвания «в качестве странствующего учителя, по примеру и обычаю философов»²⁶. В Риме, городе, притягательном для интеллектуалов того времени, поскольку в нем пересекались дороги разноязычных представителей различных учений, он основал свою школу, «и дом его был гостеприимно открыт для

---

²⁰ Там же. С. 236

²¹ Там же. С. 268.

²² Разговор с Трифоном Иудеянином. С. 10-11. К. Морескини замечает, что Юстин воспринял платоническое учение так, как оно было преподаано представителями среднего платонизма – наверное, так, но существовал ли и тогда «чистый Платон», без ангажированности читателя какими бы то ни было установками? По мнению Морескини, в целом оценки Юстина совпадают с оценками среднего платонизма, философская парадигма которого преобладала в имперскую эпоху. См.: *Морескини К. История патристической философии*. М., 2011. С. 80- 81.

²³ Там же. С. 24.

²⁴ Сагарда Н.И. Указ. соч. С. 236.

²⁵ Юстин. Апол. 2, 10.

²⁶ Там же. С. 239.

всех, кто хотел получить у него наставление в христианской религии»²⁷. Знание философских текстов и Писания²⁸ и искушенность в умении вести спор²⁹, делало его мастером философского диалога, в котором важнее всего было не столько опровергнуть оппонента, сколько, вопрошая, подвести его к пониманию истины о Боге.

Во время второго пребывания в Риме вместе с шестью учениками он был схвачен и допрошен префектом Квинтом Юнием Рустиком. В актах приведены ответы Юстина, по которым можно реконструировать диалог двух философов. Юстин предельно честен: «Я старался познакомиться со всеми системами философии, но решил в пользу истинного учения христиан, хотя они и не пользуются одобрением людей, которые пленены ложью»³⁰. В этом Юстиновом «старался» звучит горячее стремление к истине, готовность искать и жертвовать собой ради других, тех, кто должен быть научен и просвещен, - что впоследствии и произошло. Юстин и шесть его учеников были казнены через отсечение головы около 165 г.

Жизнь философа Юстина как рассказ-история о себе вполне сопоставима с августиновской историей поисков, падений и обретения истины.

«Генерация церковных писателей-апологетов, начиная с Юстина Философа, известна в немецкой литературе под именем Logoslehrer, “учителей о Слове”», т. к. «учение о Христе как Λόγος’е составляет главный предмет их творений»³¹. И кажется, что цель Юстина – возвести к Логосу всё, что было «до». Рассуждая логически, для этого есть два способа: первый, гипотетический, это объявить, что все учения укоренены в Логосе изначально и отпадали от Логоса из-за отклонения от внутреннего закона авторов учения (своего рода дедуктивный метод), и второй – по которому пошел Юстин, утверждая, что истина может содержаться в любом учении, тем более что каждый обязан свидетельствовать об истине, следовательно, вся сокровищница эллинского наследия принадлежит христианской философии (индуктивный ход). Эта концепция раскрывается в Апологиях.

«Мы научены, что Христос есть перворожденный от Бога, что Он есть Слово, Коему причастен весь род человеческий. Те, которые жили согласно со Словом, суть христиане. Хотя бы они считались за безбожников; таковы между эллинами Сократ и Гераклит и им подобные, а из варваров – Авраам, Анания, Азария и Мисаил, и Илия и многие другие... Таким образом, те, прежде бывшие, которые жили противно Слову, были бесчестными, враждебными Христу и убийцами людей, живших согласно со Словом, а те, которые жили и ныне живут согласно с Ним, суть христиане, бесстрашны

²⁷ Там же.

²⁸ О текстах Писания в Юстинову эпоху см.: *Мецгер Б.М.* Канон Нового Завета. Возникновение, развитие, значение. М., 2011. С. 142-145.

²⁹ Трифон в «Диалоге» замечает: «Мне кажется, что ты часто бывал в состязании со многими обо всех спорных предметах и... можешь отвечать на все, что тебя ни спросят» (Диал., 50).

³⁰ Мученичество св. Иустина, Харитона, Харита, Евелписта, Иеракса, Пеона и Ливериана, пострадавших в Риме // Христианское чтение. СПб., 1841. Ч. 2. С. 465-471.

³¹ *Болотов В.В.* Учение о Христе как Боге и теория о Логосе // *Болотов В.В.* Собр. соч. Т. 3. М.: Мартис, 2001. С. 331. Учение апологетов о Логосе подробно изложено у Спасского: *Спасский А.А.* История догматических движений в эпоху вселенских соборов. М., 1995. Репр. изд. Сергиев Посад, 1914. С. 2-18 и далее.

и спокойны»³². (Бесстрашие, спокойствие, атараксия – это явно язык философии стоиков. Новый язык впитывает действительно всё полезное.)

Логос-Слово³³ стоит в начале любого познания. Познавать можно и «при свете разума», но это познание не будет обладать полнотой.

Познание, по Юстину, неотделимо от истории, и история – это не интерпретация событийного ряда, а рассказ самого человека о его пути к истине, или же путь целого народа, как это было в истории еврейского народа, шедшего за Логосом, жившим в пророках. Деятельность Логоса «простерлась на греческий мир: ведь, действительно, всё то, что обрели, и всё то, чему учили философы и законодатели греков, было получено ими вследствие изнурительных поисков и исследований, благодаря той части Логоса, которая соприкасалась с ними в форме “семени”»³⁴.

Интересно, что, по Юстину, философия лучше всего была развита даже не у греков, а у варваров. Морескини относит это мнение к Посидонию; а Нумений, живший в одно время с Юстином, советовал прикинуть к учениям брахманов, евреев, волхвов и египтян. На закате эллинского философского гения множество учений предлагали «единственно истинное» решение проблемы счастья, и чем экзотичнее был путь, тем он казался истиннее. Поэтому концепция засевающего Логоса, разработанная Юстином, была началом диалога. Жанр апологии предполагал защиту, а не нападение – Юстин защищает и обосновывает, приковывая внимание собеседников/оппонентов к единственной истине среди пестрого ковра истин частных.

Апология Юстина – апология христианской истины. И, кроме того, это апология философии. Это, пожалуй, единственный текст, где радость о Спасителе имеет особенный оттенок «радости разума», это своего рода гносеологическое торжество: «...недостаточность и несовершенство, которые имеют основание в познавательных способностях всего человечества и в соединении с нечестивой деятельностью демонов приводили к гибели, с воплощением Логоса, Сына Божия, приходят к концу». Это торжество разума над смертью – как надо ценить мысль и сопрягать ее с человеком, чтобы личное спасение было и спасением мысли, бредущей в поисках истины. (И это объяснение через демонические искажения³⁵ – выражение переходности мышления.)

Христианство «...поистине есть величайшее и драгоценнейшее в очах Божиих стяжание: оно одно приводит нас к Богу и делает угодными Ему»³⁶. Только это стяжание, по сути, философское делание, доставляет счастье. «Даже государства без философии не могут благоденствовать»³⁷. При этом, если говорить о принятом делении философской науки на области исследования, то можно сказать, что философия в понимании Юстина – это скорее этика и онтология, чем космология, в отличие от

³² Апол. 1, 6.

³³ Вопрос о концепте Слова-Логоса достаточно полемичный, в некоторых работах рассматривается возможность иного перевода, но все же правомерно оставаться в рамках привычной традиции.

³⁴ *Морескини К.* Указ. соч. С. 81.

³⁵ Один из примеров такого искажения – Моисеево пророчество: «Он привяжет к виноградной лозе ослёнка своего и омоет одежду свою в крови грозда» (Быт. 49: 10-11) – «демоны, услышавши эти пророческие слова, сказали, что Дионис родился от Зевса, и передали, что он был изобретателем винограда» (ослёнку тоже нашлось место). (Апол. 1, 54).

³⁶ Диал. 2.

³⁷ Апол. 1, 3. И тут ясно слышен отголосок Платона.

современных ему учений, когда мысль о мире и человеке чаще рассматривалась сквозь призму космологического.

При этом такая философия оказывалась древнее всех учений и систем, ведь «Христос от начала руководил историей и судьбами человечества: Он создал людей, человеческий дух образован по Его подобию и проявляет свою деятельность в свете, который сообщает ему Логос»³⁸. Это похоже на миф, и именно в этом тезисе раскрывается суть исторического: история как рассказ, свидетельство человека о самом себе и о мире, должна быть, прежде всего, историей христианина – и в этом смысле историей философа. Такой была жизнь Юстина.

Протрептик

По Юстину, цель жизни человека – постичь истинного Бога, а затем проповедовать Христа всему миру. Поэтому история как рассказ, свидетельство о событиях становится делом жизни философа, знающего, где истинное бытие. Христианская истина, в отличие от других учений, может быть, как считает Юстин, понятна каждому, следовательно, каждый человек призван быть философом, свидетельствующим об истине.

Диалог с Трифоном Иудеем – один из самых ярких раннехристианских текстов, дошедших до нас. Платонические реминисценции и форма диалога подчеркивают сложный интеллектуальный фон, на котором разворачивались иудео-христианские споры первой половины II в. Диалог – излюбленный философами традиционный литературный жанр, начиная с античности, Сократа и софистов, до Нового времени, когда традиция диалогов угасает. Диалоги-протрептики во времена Юстина были популярны, и именно к таким диалогам, понятным и привычным для греческого мира, читатели будут скорее обращаться как к самой близкой и простой форме изложения³⁹.

«Диалог с Трифоном Иудеем» – история самого Юстина, изложенная за два дня беседы с Трифоном, Мнасем и остальными их друзьями. И вопрос о философии в этой беседе – главный, несмотря на то, что, казалось бы, в нем в ответ на возражения Трифона приводятся всё новые и новые аргументы из Ветхого Завета. Но очевидные цитаты и ветхозаветная ткань – это видимый слой текста. За ним – аллюзии к текстам Платоновского корпуса, чтение и комментирование которых входило в школьное традиционное обучение, сочинениям Минуция Феликса⁴⁰, и всё это – узнаваемо, следовательно, может служить скрытой основой хода мысли, не всегда ясной для современного читателя, но очевидной для читателя, современного Юстину⁴¹.

³⁸ Там же.

³⁹ «Раннехристианская миссия заставляла проповедников... использовать греческие литературные и ораторские формы в общении с эллинизированными иудеями» (Йегер В. Раннее христианство и греческая пайдейя. С. 33.) Протрептиком, по сути, является и речь ап. Павла на Ареопаге, обращенная к стоическим и эпикурейским философам («его доводы носят преимущественно стоический характер и направлены на убеждение ума, философски образованного», пишет Йегер.. Там же. С. 55). Две истории встретились и столкнулись.

⁴⁰ См.: Зуева Е.В. Указ. соч.

⁴¹ О проблемах цитирования см.: Витковский В.Е. Цитирование античных авторов в раннехристианской литературе. Возникновение и становление традиции. Дисс. ... кандидата филол. наук. М., 2005. (Параграф «Исторические корни иудео-христианской эллинистической пропаганды»).

Юстин сначала рассказывает Трифону свою историю прихода к истинной философии – христианству, а потом, убеждая, рассказывает Священную историю – тоже как свою, и это крайне важно. В этом смысл диалога, что «история вообще» становится личной историей, метками на пути человека к Богу истинному. «Диалог в диалоге» со старцем, как и диалог с Трифоном, апеллирует к личному свидетельству, к «показательству», к осуществлению ветхозаветных пророчеств. Иеремия, Исая, Амос, Давид становятся в тексте такими же действующими лицами, что и Трифон, и сам Юстин, и смеющиеся над его словами товарищи Трифона – у каждого свой путь, хотя в начале этого пути и кажется, что «сие далеко отстоит от человеческого естества»⁴². Этой «личности» мысли Юстину – и современному ему человеку – возможно, очень не хватало. И новым здесь было – что свет истинный просвещает *всякого человека*, грядущего в мир, и значит, познание Бога – дело и долг *каждого*. «Слово бо Его мудрости и истины, горячайшее и сильнейшее есть сил солнца, и проходящее во глубины сердца и ума»⁴³. Это пересечение двух языков привело к омонимии – платоническая по происхождению метафора изменила свою историю и вошла в христианскую гимнографию.

А дальше снова иллюстрация-демонстрация – имя-слово-речь о Боге. Одна из важнейших проблем в познании – проблема именованья. Бог, по Юстину, не именуем, потому что имена, которые мы относим к Нему, это имена относительные, по отношению к тому, что Он совершил для нас. «Называть Его Отцом, Творцом, Господом, Владыкой – значит не столько говорить о том, что Он есть сам по себе, сколько о том, что Он есть или что Он совершил для нас. Этот сокровенный Бог есть Бог Отец», и Он «дал человеку познать Себя, послав “иного Бога, нежели Тот, Кто все сотворил; я говорю “иного” с точки зрения порядка, а не с точки зрения понятия». Этот Бог – Слово, «которое открылось Моисею и другим патриархам»⁴⁴. Итак, имена, которыми мы говорим о Боге, это «наши», человеческие имена, помогающие в познании Бога, являющиеся некими ступенями познания и восприятия, следовательно, веками, говорящими о личной истории человека в его отношении к Богу.

Напряжение дуги «человек – познание – Бог» настолько мощное, что несомненным аргументом становится аргумент свидетельства как мученичества: «Бог хотя прежде некогда попустил поклоняться солнцу, якоже писано: однако нигде не можно видети ниже единого, который бы потерпел умрети за веру в солнце»⁴⁵.

«Среди свидетельствующих о Христе, которые исповедовали его до мученической кончины, Юстин готов был видеть и Сократа, по наущению демонов преданного смерти за свою негибаемую любовь к истине»⁴⁶. Сократ в текстах Юстина, как литературный персонаж (если его таковым можно считать), также является

---

⁴² Разговор с Трифоном Иудеянином, о истине Христианского закона, писанный к М. Помпею. СПб., 1797. Преложен с еллиногреч. на российский язык Иринеем, архиеп. Тверским и Кашинским. Репринт. изд. М., 1995. С. 30.

⁴³ Там же. С. 304.

⁴⁴ Жильсон Э. Указ. соч. С. 14.

⁴⁵ Разговор с Трифоном Иудеянином. С. 304.

⁴⁶ Жильсон Э. Указ. соч. С. 17. Дальше Жильсон добавляет: «Быть может, об этом стоит вспомнить, чтобы правильно понять слова Эразма, – ибо Юстин задолго до него обосновал правомерность столь часто приводимой и столь различно понимаемой мольбы гуманиста: “Святой Сократ, молись о нас”».

выразителем идеи личной истории, ведущей к познанию Бога. Следуя своей концепции Логоса, Юстин проращивает в христианстве метафоры греческой философии, которые становятся оболочками, сохраняющими свое коннотативное облако только в определенном контексте, а по сути происходит перекодирование внутренней формы термина. И эта проповедь, сказанная философам о философии, была вполне обоснованна.

«Толкование христианства как философии не должно удивлять нас: если мы задумаемся, с чем грек мог сравнить явление иудео-христианского монотеизма, мы не найдем в греческой мысли никакого соответствия этому, кроме философии. Действительно, когда греки вскоре после походов Александра Великого впервые столкнулись с иудаизмом в Александрии..., греческие писатели... (такие как Гекатей Абдерский, Мегасфен и ученик Феофраста Клеарх из Сол на Кипре) ... неизменно говорят о евреях как о “философском народе”»⁴⁷. В.Йегер, говоря о таких иудейских философам, называет имя Филона Александрийского, «который впитал в себя всю греческую традицию и использовал ее понятийный аппарат и литературные средства для обоснования своей позиции не перед греками, но перед своими собратьями-иудеями»⁴⁸.

Греческая философия, с ее понятийными системами и языками, была своего рода интеллектуальной койне. И, как мы видели, Юстину – и любому христианскому философу – постоянно приходилось заниматься сложными переводческими задачами с метаязыка на метаязык, и кроме лингвистических проблем перед ними вставали внеязыковые факторы, «подкладка», делающая христианские апологии понятными и узнаваемыми. «Это важное обстоятельство, так как оно демонстрирует, что всякое взаимопонимание, даже среди негреческого народа, нуждалось в интеллектуальном посредничестве греческой мысли и ее категорий. Особенно необходимо это было при обсуждении религиозных вопросов, так как к тому времени и для самих греков философия взяла на себя функции естественной теологии»⁴⁹. Традиция, связанная с Аристотелем, который под первой философией понимал теологию, приобрела особенную актуальность в первые века новой эры, хотя «элемент философской религии, отдельно от физики и космологии, с самого начала присутствовал в греческой мысли в более или менее развитой форме»⁵⁰, попытка познать Бога как первопричину были объектом любого из греческих учений: платоники, стоики, эпикурейцы старались по-своему проникнуть в тайну начала бытия. Поэтому греческий философский язык и предполагал закономерно разговоры о Боге: на этот мотив, как мы видим, нанизывается в Диалоге с Трифоном вся сюжетная нить. Так, личная история христианского

---

⁴⁷Йегер В. Указ. соч. С. 57. «Позднее иудаизм был назван “философией”, и не только греками: эллинизированные иудеи научились смотреть на себя и свою религию греческими глазами. Иосиф Флавий, говоря о религиозных сектах и течениях в иудаизме, выделяет среди них три философские школы: саддукеев, фарисеев и ессеев. Подобным образом Филон неоднократно говорит об “унаследованной философии” иудеев или об их законах и обычаях как о “философии Моисея”» (там же. С. 171-172).

⁴⁸ Там же. С. 59.

⁴⁹Йегер В. Указ. соч. С. 59.

⁵⁰ Там же. С. 60.

философа – и его задача возвещать о Боге истинном - становилась и историей о его языке, который подчинялся иным смысловым задачам.

«Диалог с Трифоном Иудеем – это не только диалог двух религий, человека с человеком, варвара и неварвара, это диалог внутри всего человечества, или – состязание голосов человечества, прошлых, настоящих и будущих»⁵¹.

Философская обстановка раннеэллинистической эпохи характеризовалась крайним многообразием учений. Однако, по мнению, Йегера, это многообразие был угасанием блистательной греческой мысли, «творческой философской силы»⁵², философия должна была давать внутреннюю уверенность, которая черпалась в попытках проникновения в тайны бытия и была, по сути, уходом от жизни. Язык этой философии говорил о ней как о религиозной философии, где центральной проблемой была проблема поисков человеком Бога. И это было общее, что можно было использовать в «протрепетических целях» на фоне возрастания популярности платонических воззрений:

«Можно уверенно утверждать, что великое возрождение Платона, наблюдаемое тогда повсюду в грекоговорящем мире, было связано не столько с ростом научных исследований, сопровождавших это возрождение, сколько с ролью “божественного Платона” как высшего религиозного и богословского авторитета», ведь «именно Платон впервые сделал душевный мир видимым для внутреннего зора человека»⁵³. И сам Юстин, тяготевший к среднему платонизму до своего обращения в христианство, владел философским языком эпохи как никто другой.

Познание истины – задача философии. История как рассказ, свидетельство о событиях становится делом жизни философа. Христианская истина, согласно Юстину, в отличие от других учений, может быть понятна каждому, следовательно, каждый человек призван быть философом, свидетельствующим об истине, и «всякий, кто может говорить истину и не говорит, будет осужден Богом»⁵⁴.

Юстин во многом стал первооткрывателем: его система прообразований, перенесенная на почву греко-иудейской мысли, дала возможность интерпретировать концепцию засевающего Логоса совершенно особым образом, как причину познания, обязывающего всякого человека, как носящего в себе семена Логоса, искать истину и свидетельствовать о ней, создавая собственную историю, которая связана со сменой языка (проблема исторического в человека решается в языке, который он выбирает), и это касается как отдельного человека, так и всего человечества.

---

⁵¹ *Неретина С.С. Огурцов А.П.* Указ. соч. С. 104.

⁵² Там же. С. 72.

⁵³ Там же. С. 76, 78. (Возможно, это блестящее владение формой греческой мысли и способствовало подозрению в чрезмерной «эллинизации» и эклектизме воззрений самого Юстина. *Сагарда Н.И.* С. 268: Отношение Юстина к философии – «вопрос весьма важный для истории догмы, так как от решения его зависит взгляд на характер его богословия в целом».)

⁵⁴ Диал., 82.

Литература

Болотов В.В. Лекции по истории древней Церкви. История Церкви в период до Константина Великого // Болотов В.В. Собрание церковно-исторических трудов: в 8 т. Т. 3. М.: Мартис, 2001. 534 с.

Жильсон Э. Философия в средние века. М.: Республика, 2004. 678 с.

Зуева Е.В. Влияние пересказанных диалогов Платона на литературную форму «Диалога с Трифоном иудеем» св. Иустина Философа // Дис. ... кандидата филол. наук: 10.02.14. ПСТГУ. М., 2011. 215 с.

Иустин Философ. Разговор с Трифоном Иудеянином о истине христианского закона. Репринт. изд. М.: Б.и., 1995. 352 с.

Йегер В. Раннее христианство и греческая пайдейя. М.: Изд-во «Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина», 2014. 216 с.

Морескини К. История патристической философии. М.: Изд-во «Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина», 2011. 864 с.

Неретина С.С. Огурцов А.П. Реабилитация вещи. СПб.: Изд. дом «Мирь», 2010. 800 с.

Памятники древней христианской письменности в русском переводе. Сочинения древних христианских апологетов. Т. 3. М.: Типография Каткова и Ко, 1862. 380 с.

Сагарда Н.И. Лекции по патрологии I-IV в. М.: Издательский Совет РПЦ, 2004. 796 с.

Тареев М.М. Вероучение Иустина Мученика в его отношении к языческой философии // Вера и разум. Богословский журнал... Харьковской духовной семинарии. 1893. № 15. Август. Кн. 1. С. 112-140. Электронная библиотека одинцовского благочинца. URL: http://www.odinblago.ru/tareev_iustin (дата обращения: 30.04.2016).

References

Bolotov, V. "Lektsii po istorii drevnei Tserkvi. Istoriya Tserkvi v period do Konstantina Velikogo" [Lectures on the History of the Ancient Church], in: V. Bolotov, *Sobranie tserkovno-istoricheskikh trudov: v 8 t.* [Collection of Church-historical Works: in 8 Vol.] Vol. 3. Moscow: Martis Publ., 2001. 534 pp. (In Russian)

Gilson, E. *Filosofiya v srednie veka* [Philosophy in the middle ages], trans. by S. Nererina. Moscow: Respublika Publ., 2004. 678 pp. (In Russian)

Zueva, E. *Vliyanie pereskazannykh dialogov Platona na literaturnuyu formu «Dialoga s Trifonom iudeem» sv. Iustina Filosofa*, [The Influence of Retold Plato's Dialogues on Literary Form of the 'Dialog Justin the Philosopher with Trifon the Jew'] Candidate's thesis. St. Tikhon's Orthodox University. Moscow, 2011. 215 pp. (In Russian)

Iustinus, Philosoph (Martyr). *Razgovor s Trifonom Iudeyaninom o istine khristianskogo zakona* [The Conversation with Trifon the Jew about the True of Cristian law]. Reprint. Moscow: B.i. Publ., 1995. 352 p. (In Russian)

Jaeger, W. *Rannee khristianstvo i grecheskaya paideiya* [Early Christianity and Greek Paideia] Moscow: Greco-latinskii cabinet Yu. Shichalina Publ., 2014. 216 pp. (In Russian)

Moreschini, C. *Istoriya patristicheskoi filosofii* [The History of Patristic Philosophy], trans. by L. Gorbunova. Moscow: Greco-latinskii cabinet Yu. Shichalina Publ., 2011. 864 pp. (In Russian)

Neretina, S., Ogurtsov, A. *Reabilitatsiya veshchi* [Rehabilitation of the Thing]. Saint-Petersburg: Mir Publ, 2010. 800 pp. (In Russian)

Pamyatniki drevnei khristianskoi pismennosti v russkom perevode. Sochineniya drevnich khristianskich apologetov, [Texts of Ancient Christian Literature in Russian Translation. The Works of the Ancient Apologists] V. 3. Moscow: Tipografiya Katkova i Ko Publ., 1862. 380 pp. (In Russian)

Sagarda, N. *Lektsii po patrologii I-IV v.* [Lectures in Patrology I-IV centuries]. Moscow: Sovet Russkoi Pravoslavnoi Tsercvi Publ., 2004. 796 pp. (In Russian)

Tareev, M. *Verouchenie Iustina Muchenika v ego otnoshenii k yazycheskoi filosofii* [The Creed of Justin the Martyr in his Relation to Pagan Philosophy], *Vera i razum. Bogoslovskii zhurnal Charkovskoi duchovnoi seminarii*, 1893 (August), No. 15. P. 112-140. [http://www.odinblago.ru/tareev_justin, accessed on 30.04.2016]

Justin the Philosopher and the problem of Human Historicity

Guseva A.A., Institute of philosophy RAS

Abstract: According to Justin the Philosopher, who lived on the border of two ages, Hellenistic and early Christian ideologies, “every man should philosophize”. This necessity is due to the fusion of thought and world in man, which forms a ‘fact’ (in a historical, philosophical, or grammatical sense) that we can and must witness. The sequence of facts builds the philosophy as man’s history, consisting of ‘a priory’s perfects’ which are transformed into the aorist. History, which goes back to a single source- the Logos, like philosophy, unfolds in a man and forms around him. The life and language of the philosopher is interrelated. In the texts of Justin the prefigurations of the Old Testament (brazen serpent of Moses, for instance) are correlated with philosophical symbols (the creation of *anima mundi* in ‘Timaeus’ is seen as a prefiguration of the Cross). Justin cites prefigurations as philosophical evidences or proofs. This can be described as the a-grammatical perfect – that is the past, which defines the future as already happened. This nonlinearity is born from the interaction of two principles (Hellenic and Christian) and means the recoding of the inner form of language, words, and metaphors. Justin interpreted the concept of the “sown Logos” (*logos spermatikos*) in a special way, as the cause of cognition that obliges a man bearing the seeds of Logos to seek the truth and to tell about it.

Keywords: Justin the Philosopher, concept of Logos, a philosophical apology, dialogue-protreptic, a philosophical fact, perfect as a Philosophical category, the prefigurations of the Old Testament, change of language, recoding of the inner form, Philosophy as History